

д. 13.

32637.

ДЕНИС ДАВЫДОВ

ИЗБРАННЫЕ
СТУХОТВОРЕНИЯ

ДЕЛУИЗ-1944

Денис Давыдов.
С портрета работы О. А. Кипренского.

Д Е Н И С
Д А В Ы Д О В

ИЗБРАННЫЕ
СТИХОТВОРЕНИЯ

32637.
Государственное Издательство
Детской Литературы
Искусств РСФСР
Москва 1944 Ленинград

ДЕНИС ВАСИЛЬЕВИЧ ДАВЫДОВ

(1784—1839)

За несколько дней перед Бородинским сражением к командующему армией князю Багратиону явился гусар подполковник Денис Давыдов.

Это был человек невысокого роста, с тонким голосом, румяным лицом, блестящими черными глазами и черными взлохмаченными усами. Он прослужил пять лет адъютантом у князя Багратиона, и генерал ценил в Денисе Давыдове храброго воина и открытого, сердечного человека.

Волнуясь, Денис Давыдов изложил Багратиону свой план. Он предлагал создать подвижные партизанские отряды и, пользуясь растянутыми коммуникациями врага, производить неожиданные налеты на его тылы.

Давыдов разработал свои приемы партизанской войны: «партизан действует более искусством, нежели силой»; он должен следовать пословице:

«убить да уйти», — «вот сущность тактической обязанности партизана».

Багратион сочувственно отнесся к вдохновенному замыслу своего адъютанта и доложил об этом Кутузову. Как известно, великий полководец отличался осторожностью: он разрешил дать Денису Давыдову для начала только пятьдесят гусар и восемьдесят казаков.

Предприятие было опасное. Но Давыдов не побоялся «вседневной встречи со смертью» и двинулся в путь со своими гусарами и казаками, пробираясь к тылам наполеоновской армии.

Так началась — сперва в самых скромных размерах — партизанская борьба небольших армейских отрядов и русского крестьянства с полчищами иноземных захватчиков. «Дубина народной войны, — говорит Лев Толстой, — поднялась со всею своей грозною и величественной силой».

Прошло два месяца с начала «поисков» Давыдова. Кутузов, благодаря его за военные действия, сказал: «Удачные опыты твои доказали мне пользу партизанской войны, которая столь много вреда нанесла, наносит и нанесет неприятелю».

Денис Давыдов был не только воином, беззаветно преданным родине, он был и поэтом военного дела. Он воспевал в своих стихах «неугомонную,

ялетную жизнь партизанскую», он поэтизировал «кочевья на соломе под крышей у неба», он считал, что поприще партизана, «исполненное поэзии, требует игривого и пламенного воображения, врожденной страсти к смелым предприятиям и не довольствуется лишь хладнокровным мужеством». По словам Давыдова, партизан «должен уметь сочетать в себе неустранимость, бодрость юноши с опытностью старца».

Денис Давыдов проявлял во всех своих действиях убежденность и дальновидную зоркость настоящего русского патриота. Так, разделяя общее мнение того времени, что Наполеон ищет заключения мира с Александром, чтобы русские пошли в Индию сражаться за Францию, Давыдов заявил: «Если должно непременно погибнуть, то лучше я лягу здесь! В Индии я пропаду со ста тысячами моих соотечественников без имени и за пользу, чуждую России. А здесь я умру под знаменем независимости...»

Современники Дениса Давыдова, восторженно отзываясь о нем, одинаково лестно говорили о его военной и литературной славе, о его буйной доблести и глубоком уме. В одном из своих писем Грибоедов упоминал о Давыдове: «Нет здесь [в Петербурге], нет такой буйной и умной голо-

ны, и это всем твержу; все они, сонливые меланхолики, не стоят выкурки из его трубки».

Пушкин и Баратынский, Жуковский и Языков, Вяземский и Бестужев — все они отдавали дань любви певцу-гусару, партизану-поэту. Жуковский называл его «мой друг, усатый воин».

«Тебе, певцу, тебе, герою», обращался к нему Пушкин. Федор Глинка в замечательных словах охарактеризовал партизана Давыдова:

Усач. Умом, пером остер он, как француз:
Но саблюю французам страшен.

Баратынский назвал Давыдова «певцом-наездником, именем которого справедливо гордятся поэты и воины».

Далеко за пределами России великий английский романист Вальтер Скотт увлекался «легендарным черным капитаном войны 1812 года» и описывал его как «человека знаменитого, подвиги которого в минуты величайшей опасности его отечества вполне достойны удивления».

Внешне все выглядело так, что Денис Давыдов любимец судьбы, ее постоянный баловень. Однако было бы ошибкой утверждать это. Воин-поэт имел все права считать себя обиженным и обойденным. Он родился в 1784 году в Москве, в старинной

Встреча Суворова с Денисом Давыдовым.
Со старинной гравюры.

дворянской семье, вскоре разорившейся. В 1801 году Давыдов приехал в Петербург и в кавалергардском полку начал военную карьеру. Сперва все шло довольно благополучно, но уже через два года Давыдов за «возмутительные стихи» был переведен из столичного гвардейского полка в захолустье, в глубь Украины.

Крамольными стихами были две политические басни Давыдова: «Голова и Ноги» и «Река и зеркало». В этих поэтических опытах Давыдова отразились вольнолюбивые настроения гвардейской молодежи, которая надеялась на возвращение «зо-

догого века Екатерины» после низложения Павла I (1801). Однако этим надеждам не суждено было сбыться. Александр I, как и его отец, всячески выражал свое преклонение перед прусской военной системой. В загоне была суворовская «наука побеждать». Александр I приблизил к себе бездарных генералов, «истых любителей изящной ремешковой службы», как прозвал в насмешку Давыдов штабных генералов александровской эпохи.

Противники прусской системы, сподвижники Суворова Кутузов и Багратион не пользовались симпатией царя. Именно вокруг этих военачальников группировались наиболее передовые и честные русские офицеры, сплоченные ненавистью к пруссачеству и к аракчеевщине — к нравам, насаждаемым царским приспешником Аракчеевым. Давыдов был душой и поэтом этой группы, так называемой «русской партии». Он давал убийственную характеристику военной бюрократии, которая отличалась глубоким невежеством и любовью к мелочам боевого устава, к палочному режиму и плацпарадам. Приверженцы прусской системы, в числе которых было немало генералов — обрусевших немцев, утверждали что «война портит войска»; другими словами, они дрессирова-

ли солдат, превращая их в автоматѳв, пригодных лишь для живописных дворцовых парадов.

Денис Давыдов вел борьбу с военной бюрократической машиной своего времени, разоблачая и высмеивая «героев плацпарада». А эти герои решительно и методически мстили Денису Давыдову за его пренебрежение и презрение к ним. Сам Давыдов говорил, что он был «сто раз обойден, часто притесняем и гоним людьми бездарными, невежественными и часто зловредными». Уже в начале своей военной карьеры он вынужден был прозябать в глухом провинциальном полку, дышать удушливой атмосферой «гусарщины». В молодечестве и задорном своеволии гусарской молодежи была не только бесшабашность прожигавших жизнь светских офицеров — в этом сказывалось своеобразное военное свободомыслие, выражалась ненависть к аракчеевщине и бюрократической системе, пропахшей мертвящим духом «пруссачества».

Гусары, братьцы, удалыцы,
Рубаки, — чорт мою взял душу!.. —

воскликает Денис Давыдов в своих стихах, обращенных к товарищам по полку. Среди этих удалыцов и кутил, подобных воспетому Давыдовым гусару Бурцову, были хорошие, честные рус-

екые люди, ненавидевшие низкопоклонничество и лесть, ложь и лицемерие, горячие и самоотверженные патриоты, отважно рвавшиеся в бой на защиту родины.

И сам Денис Давыдов был таким пламенным сыном русского народа, беззаветно преданным родине. Он с гордостью мог сказать про себя, что имя его «во всех войнах торчит, как казачья нига». И в самом деле, он проявил исключительную военную отвагу в восьми кампаниях: побывал под знаменами русских армий в Пруссии (1806—1807), в Финляндии (1808), в Турции (1809—1810), сыграл свою роль, как уже говорилось, в Отечественной войне 1812 года и в походах в Германию (1813), Францию (1814), Персию (1826) и Польшу (1831).

Военная бюрократия неутомимо и последовательно обходила его и наградами и производствами. Герой Отечественной войны после ее окончания был снова отослан в провинцию. Слава вольнодумца прочно укоренилась за ним и не давала ходу. «Проклятое мое остроумие и стихотворчество много мне повредили в мнении людей сухой души и тяжкого рассудка», отметил Давыдов. В 1823 году ему пришлось выйти в отставку. Генералы-аракчеевцы, рыцари «пруссачества» —

всякие Шварцы, Гурки, Нейдгарты изгнали Давыдова из своего сословия за то, что он ненавидел армейских тиранов и самодуров, оскорблявших «славу отечества».

В годы вынужденного бездействия Давыдов всецело отдался литературной работе. Он написал замечательные «Военные записки», «Воспоминания эпических наших войн, опасностей, славы». Он прославил Багратиона, Барклая, Кутузова, Ермолова — славных полководцев начала XIX века — и с нескрываемой иронией противопоставил им реакционную военщину николаевской поры, возглавляемую Дибичем, «оскорбителем гордости народа русского... оскорбителем чести, славы и оружия богатырской нашей армии».

Давыдову еще пришлось принять участие в военных кампаниях 1826 и 1831 годов. Но в тридцатых годах он окончательно оставил саблю для пера. Друг Жуковского, Пушкина, Вяземского, Денис Давыдов принимал деятельное участие во всех их литературных начинаниях. Он умер на пятьдесят четвертом году жизни (1839) в симбирском поместье, полученном им от жены.

Денис Давыдов остался жить в благодарной памяти русского народа как один из славных его сыновей, как герой Отечественной войны

1812 года, как яркий военно-исторический писатель, теоретик партизанской войны, как поэт — певец славных воинских дел.

В многообразии деятельности Дениса Давыдова есть неоспоримое единство: оно в цельности подлинно русского национального характера Дениса Давыдова, поглощенного одной мыслью, одним желанием — видеть родину свою в лучах славы и справедливости.

В этом небольшом сборнике читатель найдет стихи Дениса Давыдова. Элегия чередуется с гусарской песней, лирика — с сатирой. Во всех этих жанрах современник пушкинской плеяды Денис Давыдов сохраняет оригинальность и самобытность. В стихах Давыдова много говорится о гусарских попойках, о буйных проявлениях «гусарщины». Это дань поэтической моде века — и только. Сам Давыдов не был ни кутилой, ни беспечным гулякой. Большой жизнелюбец, он тверже всего помнил первейшую обязанность русского человека:

Но коль враг ожесточенный
Нам дерзнет противустать,
Первый долг мой, долг священный
Вновь за родину восстать..

**

Я не поэт, я — партизан, казак.
Я иногда бывал на Пинде¹, во наскоком,
И беззаботно, кое-как,
Раскидывал перед Кастальским² током
Мой независимый бивак.
Нет, не наезднику пристало
Цеть, в креслах развалясь, лень, негу
и покой...
Пусть грянет Русь военной грозой —
Я в этой песне запеваю!

---

¹ Пинд — горная цепь в Греции, обиталище бога поэзии Аполлона и муз (греч. мифология).

² Кастальский ток — источник, текущий с горы Парнас в Греции, вода которого, согласно мифологии, вдохновляла поэтов.

ПАРТИЗАН

Умолкнул бой. Ночная тень
Москвы окрестность покрывает;
Вдали Кутузова курень¹
Один, как звездочка, сверкает.
Громада войск во тьме кипит,
И над пылающей Москвою
Багрово зарево лежит
Необозримой полосой.

И мчится тайною тропой
Воспрянувший с долины битвы
Наездников веселый рой
На отдаленные ловитвы.
Как стая алчущих волков,
Они долинами витают:
То внемлют шороху, то вновь
Безмолвно рыскать продолжают.

Начальник, в бурке на плечах,
В косматой шапке кабардинской,
Горит в передовых рядах
Особой яростью воинской.

---

¹ Курень — палатка, шалаш.

Сын белокаменной Москвы,
Но рано брошенный в тревогу,
Он жаждет сечи и молвы,
А там что будет — вольны боги!

Давно незнаем им покой,
Привет родни, взор девы нежный;
Его любовь — кровавый бой,
Родня — донцы, друг — конь надежный,
Он чрез стремнины, чрез холмы
Отважно всадника пронесит,
То чутко шевелит ушами,
То фыркает, то удила просит.

Еще их скок приметен был
На высях, за преградной Нарой¹,
Златимых отблеском пожара,
Но скоро буйный рой за высь
перекатил,
И скоро след его простыл...

---

¹ Н а р а — река у села Тарутино, места боя в 1812 году.

32637.

БОРОДИНСКОЕ ПОЛЕ

Умолкшие холмы, дол некогда кровавый,
Отдайте мне ваш день, день вековой славы.
И шум оружия, и сечи, и борьбу!
Мой меч из рук моих упал. Мою судьбу
Попрали сильные. Счастливицы горделивы
Невольным пахарем влекут меня на нивы...
О, ринь меня на бой, ты, опытный в боях,
Ты, голосом своим рождающий в полках
Погибели врагов предчувственные клики,
Вождь гомерический¹ Багратион великий!
Простри мне длань свою, Раевский², мой герой!
Ермолов!² я лечу — веди меня, я твой.
О, обреченный быть побед любимым сыном,
Покрой меня, покрой твоих перунов³ дымом!

Но где вы?.. Слушаю... Нет отзыва! С полей
Умчался брани дым, не слышен стук мечей,
И я, питомец ваш, склоняюсь головой у плуга,
Завидую костям соратника или друга.

---

¹ Гомерический вождь — то есть подобный легендарным вождям древней Греции, воспетым Гомером.

² Н. Н. Раевский, А. П. Ермолов — генералы, участники Бородинского сражения.

³ Перуны — здесь: боевой огонь. Перун — древнеславянский бог грома и молнии.

ПРИ ВИДЕ МОСКВЫ

О, юности моей гостеприимный кров!
О, колыбель надежд и грех честолюбивых!
О, кто, кто из твоих сынов
Зрел без восторгов горделивых
Красу реки твоей, волшебных берегов,
Твоих палат, твоих садов,
Твоих холмов красноречивых!

В АЛЬБОМ

На вьюке, в тороках¹, цевницу² я таскаю,
Она и под локтем, она под головой;
Меж конских ног позабываю
В пыли, на влаге дождевой...
Так мне ли ударять в разлаженные струны
И петь любовь, луну, кусты душистых роз?
Пусть загремят войны перуны,
Я в этой песне виртуоз!

---

¹ Тороки — ремешки у седла для привязывания поклажи.

² Цевница — свирель.

Собирайся в круговую,
Православный весь причёт!
Подавай лохань златую,
Где веселие живет!
Наливай обширны чаши
В шуме радостных речей,
Как инвали предки наши
Среди копий и мечей.
Бурцов, ты — гусар гусаров!
Ты на ухарском коне
Жесточайший из угаров
И наездник на войне!
Стукнем чашу с чашей дружно!
Нынче пить еще досужно;
Завтра трубы затрубят,
Завтра громы загремят.
Выпьем же и поклянемся,
Что проклятью предаемся,
Если мы когда-нибудь
Шаг уступим, побледнеем,
Пожалеем нашу грудь
И в несчастья оробеем;
Если мы когда дадим
Левый бок на фланкировке¹,

---

¹ Фланкировка — действия отдельных кавалеристов в рассыпном строю во время боя.

Или лошадь осадим,
Или миленькой плутовке
Даром сердце подарим!
Пусть не сабельным ударом
Пресечется жизнь моя!
Пусть я буду генералом,
Каких много видел я!
Пусть среди кровавых боев
Буду бледен, боязлив,
А в собрании героев
Остр, отважен, говорлив!
Пусть мой ус, краса природы,
Черно-бурый, в завитках,
Иссечется в юны годы
И исчезнет, яко прах!
Пусть Фортуна для досады,
К умножению всех бед,
Даст мне чин за вахтпарады
И Георгья за совет!¹
Пусть... Но чу! гулять не время!
К коням, брат, и ногу в стремя,

---

¹ Георгий — Георгиевский крест, награда за боевые заслуги. Здесь — насмешка над тыловыми офицерами, награждавшимися Георгиевским крестом за участие в военном совете.

Саблю вон — и в сечу! Вот:
Пир иной нам бог дает,
Пир задорней, удалее,
И шумней, и веселее...
Нутка, кивер набекрень,
И — ура! Счастливыи день!

ТОВАРИЩУ 1812 ГОДА, НА ПУТИ В АРМИЮ

Мы оба в дальний путь летим, товарищ мой,
Туда, где бой кипит, где русский штык бушует,
Но о тебе любовь горюет...
Счастливец! о тебе — я видел сам — тоской
Заныли... влажный взор стремился за тобой;
А обо мне хотя б вздохнули,
Хотя б в окошечко взглянули,
Как я на тройке проскакал
И, позабыв покой и негу,
В курьерску завалюсь телегу,
Гусарские усы слезами обливал.

Денис Давыдов — партизан.
Цветная литография Дюбурга по рисунку
А. Орловского (1814).

ГУСАР

Напрасно думаете вы,
Чтобы гусар, питомец славы,
Любил лишь только бой кровавый
И был отступником любви.
Амур не вечно пастушком
В свирель без умолку играет:
Он часто, скучив посошком,
С гусарской саблею гуляет,
Он часто храбрости огонь
Любовным пламенем питает —
И тем милей бывает он!
Он часто с грозным барабаном
Мешает звук любовных слов,
Он так и нам под доломаном¹
Вселяет зверство и любовь.
В нас сердце не всегда желает
Услышать стон, увидеть бой...
Ах — часто и гусар вздыхает,
И в кивере его весной
Голубка гнездышко связывает...

---

¹ Доломан — гусарский короткий плащ, который носили внакидку на левом плече.

ЭЛЕГИЯ

В ужасах войны кровавой
Я опасности искал,
Я горел бессмертной славой,
Разрушением дышал;
И в безумстве упоенной
Чадом славы бранных дел, —
Посреди грозы военной
Счастье найти хотел!..
Но, судьбой гонимый вечно,
Счастья нет! подумал я...
Друг мой милый, друг сердечной,
Я тогда не знал тебя!
Ах, пускай герой стремится
За блистательной мечтой
И через кровавый бой
Свежим лавром осенится...
О, мой милый друг! с тобой
Не хочу высоких званий.
И мечты завоеваний
Не тревожат мой покой!
Но коль враг ожесточенный
Нам дерзнет противустать,
Первый долг мой, долг священный —
Вновь за родину восстать;

Друг твой в поле появится,
Еще саблею блеснет,
Или в лаврах возвратится,
Иль на лаврах мертв падет!..
Полумертвый, не престану
Биться с храбрыми в ряду,
В память Лизу приведу...
Встрепенусь, забуду рану,
За тебя еще восстану
И другую смерть найду!

ВЕЧЕР В ИЮНЕ

Томительный палящий день
Сгорел; полупрозрачна тень
Немного сумрака приосеяла дали,
Зарницы бегали за синею горой,
И, окропленные росой,
Луга и лес благоухали.
Луна во всей красе плыла на высоту,
Таинственным лучом мечтания питая,
И, преклонясь в лавровому кусту,
Дышала роза молодая.

ГУСАРСКАЯ ИСПОВЕДЬ

(ОТРЫВОК)

Я каюсь! я гусар давно, всегда гусар,
И с проседью усов — все раб молодой привычки:
Люблю разгульный шум, умов, речей пожар
И громогласные шампанского оттычки.
От юности моей враг чопорных утех, —
Мне душно на пирах без волн и распашки.
Давай мне хор цыган! Давай мне спор и смех,
И дым столбом от трубочной затяжки!

ТОСТ НА ОБЕДЕ ДОНЦОВ

Брызни искрами из плена,
Радость, жизнь донских холмов!¹
Окропи, моя любовь,
Черный ус мой белой пеной!
Друг народа удалого,
Я стакан с широким дном
Осушу одним глотком
В славу воинства донского.

---

¹ Жизнь донских холмов — то есть шампанское, приготовляемое из винограда, растущего на Дону.

БУРЦОВУ

ПРИЗЫВАНИЕ НА ПУШИ

Бурцов, Ёра¹, забняка,
Собутыльник дорогой!
Ради бога и... арака
Посети домишко мой!
В нем нет нищих у порогу,
В нем нет зеркал, ваз, картин,
И хозяин, слава богу,
Не великий господин.
Он гусар и не пускает
Мишурою пыль в глаза;
У него, брат, заменяет
Все диваны — куль овеа;
Нет курильниц, может статься,
Зато трубка с табаком;
Нет картин, да заменятся
Ташкой² с царским вензелём!
Вместо зеркала сияет
Ясной сабли полоса:
Он по ней лишь поправляет
Два любезные уса.

---

¹ Ера — живой, резвый человек.

² Ташка — кожаная сумка для запасных патронов.

А вместо ваз преирасных,
Беломраморных, большпх,
На столе стоят ужасных
Пять стаканов пуншевых!
Они полны, уверяю,
В них сокрыт небесный жар,
Приезжай, я ожидаю,
Докажи, что ты гусар.

ПЕСНЯ СТАРОГО ГУСАРА

Где друзья минувших лет,
Где гусары коренные,
Председатели бесед,
Собутыльняки седые?

Деды, помню вас и я,
Испивающих ковшами
И сидящих вокруг огня
С красно-сизыми носами!

На затылке кивера¹,
Доломаны до колена,

---

¹ К и в е р — годовой убор.

Сабли, ташки у бедра,
И диваном — кипа сена.

Трубки черные в зубах;
Все безмолвны, дым гуляет
На закрученных висках
И усы перебегает.

Ни полслова... Дым столбом...
Ни полслова... Все мертвецки
Пьют и, приклонясь челом,
Засыпают молодецки.

Но едва проглянет день,
Каждый по полю порхает;
Кивер зверски набекрень,
Ментик¹ с вихрями играет.

Конь кипит под седоком,
Сабля свищет, враг валится...
Бой умолк, и вечерком
Снова ковшик шевелится.

А теперь что вижу? — Страх!
И гусары в модном свете,

---

¹ Ментик — короткая гусарская накидка с меховой опушкой.

В видмундирах, в башмаках,
Вальсируют на паркете!

Говорят, умней они...
Но что слышим от любого?
Жомини да Жомини!
А об водке — ни полслова!¹

Где друзья минувших лет,
Где гусары коренные,
Председатели бесед,
Собутыльники седые?

ПОЛУ-СОЛДАТ

Нет, братцы, нет: полу-солдат
Тот, у кого есть печь с лежанкой,
Жена, полдюжины ребят,
Да щи, да чарка с запеканкой!

---

¹ Барон Г. В. Жомини (1779—1869) — военный писатель-историк.

«Жомини да Жомини!

А об водке — ни полслова!» —

стало крылатым выражением, осмеивающим напускную серьезность.

Вы видели: я не боюсь
Ни пуль, ни дротика куртинца;
Лечу стремглав, не дуя в ус,
На нож и шашку кабардинца.

Всё так! Но прекратился бой,
Холмы усыпались огнями.
И хохот обуял толпой,
И клики вторятся горами,

И все кишит, и все гремит
А я, меж вами одинокой,
Немою грустию убит,
Душой и мыслию далеко

Я не внимаю стуку чаш
И спорам вокруг солдатской каши;
Улыбки нет на хохот ваш,
Нет взгляда на проказы ваши!

Такой ли был я в век золотой
На буйной Висле, на Балкане,
На Эльбе, на войне родной,
На льдах Торнео¹, на Секване?²

---

¹ Торнео — река в Финляндии.

² Секвана — старинное название восточной части Франции.

Бывало, слово: друг, и в ись!
И уж Денис с коня слезает;
Лишь чашей стукнут — и Денис
Как тут — и чашу осушает.

На скачку, на борьбу готов
И, чтимый в вырождком глупцами,
Он, расточитель острых слов,
Им хлещет прозой и стихами.

Иль в карты бьется до утра,
Раскинувшись на горской бурке;
Или вокруг светлого костра
Танцует с девками мазурки.

Нет, братцы, нет: полу-солдат
Тот, у кого есть печь с лежанкой,
Жена, полдюжины ребят,
Да щи, да чарка с запеканкой!

Так говорил наездник наш,
Оторванный судьбы веленьем
От крова мирного — в шалаш,
На сечи, и пламенным сраженьям.

Араке шумит, Араке шумит,
Араксу вторит ключ пагорный.
И Алагёз¹, нахмуясь, спит,
И тонет в влаге дол узорный;

И веет с пурпурных садов
Зефир восточным ароматом.
И сквозь серебристых облаков
Луна плывет над Араратом.

Но воин наш не упоен
Ночною роскошью полуденного края...
С Кавказа глаз не сводит он,
Где подпирает небосклон
Казбеки² груды снеговая...
На нем знакомый вихрь, на нем громады
льда,
И над челом его, в тумане мутном,
Как Русь святая, недоступном,
Горит родимая звезда.

---

¹ Алагёз — заоблачная гора на границе Эриванской области. (Примеч. Д. Давыдова.)

² Казбек — одна из высочайших гор Кавказского хребта. (Примеч. Д. Давыдова.)

СОВРЕМЕННАЯ ПЕСНЯ

Был век бурный, дивный век,
Громкий, величавый;
Был огромный человек,
Расточитель славы.

То был век богатырей!
Но смешались шашки,
И полезли из щелей
Мошки да букашки.

Всякой маменькин сынок,
Всякой обирала,
Модных бредней дурачок,
Корчат либерала.

Деспотизма сопостат,
Равенства оратор, —
Вздулся, слеп и бородат,
Гордый регистратор.

Томы Тьера и Рабо¹
Он на память знает

---

¹ Тьер, Рабо-де-Сент-Этьен — французские историки и политические деятели XIX века.

И, как ярый Мирабо¹,
Вольность прославляет,

А глядишь: наш Мирабо
Старого Гаврило
За памятое жабо
Улещет в ус да в рыло.

А глядишь: наш Лафает²,
Брут или Фабриций³
Мужиков под пресс кладет
Вместе с свекловицей.

Фраз журнальных лексикон,
Прапорщик в отставке, —
Для него Наполеон —
Вроде бородавки.

Для него славнее бой
Карбонаров бледных⁴,

---

¹ Мирабо — французский политический деятель и оратор эпохи революции 1789 года.

² Лафает — французский генерал, участник революции 1789 года.

³ Брут и Фабриций — республиканцы древнего Рима.

⁴ Карбонарии — члены тайного политического общества в Италии первой половины XIX века.

Чем когда наш шар земной
От громов победных

Колыхался и дрожал
И народ, в смятенье,
Ниц упавши, ожидал
Мира разрушенье.

Что ж? — Быть может, наш герой
Утомил свой гений
И работой боевой,
И огнем сражений?..

Нет, он в битвах не бывал —
Шаркал по гостиным
И по плацу выступал
Шагом журавлиным.

Что ж? — Быть может, он богат
Счастьем семьянина,
Заменя блистанье лат
Тогой гражданина?..

Нет, нахально подбочась,
Он по дачам рыщет
И в театрах, развалясь,
Все шипит да свищет.

Что ж? — Быть может, старины
Он бежал приманок?
Звезды, ленты и чины
Презрел споваранок?

Нет, мудрец не разрывал
С честолюбьем дружбы
И теперь бы крестик взял...
Только чтоб без службы.

Вот гостиная в лучах:
Свечи да кенкеты¹,
На столе и на софах
Кипами газеты;

И превыспренный конгресс
Двух графинь оглохших
И двух жалких баронесс,
Чопорных и тощих;

Все исчадие греха,
Страстное новинкой;
Заговорщица-блоха
С мухой-якобинкой²;

---

¹ Кенкеты — старинные лампы.

² Якобинцы — члены политического клуба эпохи французской революции 1789 года. Здесь — в смысле: крайние революционеры.

И козявка-стогоза,
Девка пожилая,
И рябая стрекоза,
Сплетня записная;

И в очках сухой паук,
Длинный лазарони¹,
И в очках плюгавый жук,
Разноситель вони;

И комар, студент хромой,
В кучерской прическе,
И сверчок, крикун ночной,
Друг Крылова Моськи;

И мурашка-филантроп²,
И червяк голодный,
И Филипп Филиппыч — клоп,
Муж... женоподобный, —

Все вокруг стола — и скок
В кипеть совещастья
Утопист, идеолог,
Президент собрания,

---

¹ Л а з а р о н и — по-итальянски: босьяк.

² Ф и л а н т р о п — человек, занимающийся благотворительными делами.

Старых барынь духовник,
Маленький аббатик¹,
Что в гостиных бить привык
В маленький набатик.

Все кричат ему привет
С аханьем и пяском.
А он важно им в ответ:
Dominus vobiscum!²

И раздолье языкам!
И уж тут не шутка!
И народам, и царям —
Всем приходит жутко!

Все, что есть, — все в пыль
и ирах!

Все, что процветает, —
С корнем вон! — Ареопаг³
Так определяет.

---

¹ Аббат — католический священник.

² Dominus vobiscum — господь с вами.

³ Ареопаг — судилище в древней Греции; здесь ареопагом иронически названо светское общество.

И жужжит он, полн грезой,
Царства низвергая...
А России, — боже мой! —
Таска... да какая!

И несь размежеван свет
Без войны и драки!
И России уже нет,
И в Москве поляны!

Но назло врагам она
Все живет и дышит,
И могуча, и грозна,
И здоровьем пышет.

Насекомых болтовни
Внятием не тешит,
Да и место, где они,
Даже не почешет.

А когда во время сна
Моль иль тараканика
Заползет ей в нос, — он
Чихнет — и вон букашка!

ГОЛОВА И НОГИ

Уставши бегать ежедневно
По грязи, по песку, по жесткой мостовой,
Однажды Ноги очень гневно
Разговорились с Головой:
«За что мы у тебя под властью такой,
Что целый век должны тебе одной повиноваться:
Днем, ночью, осенью, весной,
Лишь вздумалось тебе, изволь бежать, таскаться
Туда, сюда, куда велишь;
А к этому еще, окутавши чулками,
Ботфортами да башмаками,
Ты нас, как ссылочных невольников, моришь
И, сидя наверху, лишь хлопаешь глазами,
Покойно судишь, говоришь
О свете, о людях, о моде,
О тихой иль дурной погоде;
Частенько на наш счет себя ты веселишь
Насмешкой, колкими словами, —
И, словом, бедными Ногами,
Как шашками, вертишь».
«Молчите, дерзкие», им Голова сказала,
«Иль силою я вас заставлю замолчать!..
Как смеете вы бунтовать,
Когда природой нам дано повелевать?»

«Все это хорошо, пусть ты б повелевала,
По крайней мере нас повсюду б не швыряла,
А прихоти твои нелзя нам исполнять;
Да между нами ведь признаться,
Коль ты имешь право управлять,
Так мы имеем право спотыкаться
И можем иногда, споткнувшись, — как же быть! —
Твое Величество об камень расшибить».

Смысл этой басни всякий знает...
Но должно — те! — молчать: дурак —
кто все болтает.

РЕКА И ЗЕРКАЛО

За правду колкую, за истину святую,
За сих врагов царей, — деспот
Вельможу осудил: главу его седую
Велел снести на эшафот.
Но сей успел добиться
Пред грозного царя предстать —
Не с тем, чтоб плакать иль крушиться,
Но, если правды не боится,
То чтобы басню рассказать.
Царь жаждет слов его; философ не страшится
И твердым гласом говорит:

«Ребенок некогда сердился,
Увидев в зеркале свой безобразный вид;
Ну в зеркало стучать, и в сердце веселился,
Что может зеркало разбить.

Наутро же, гуляя в поле,
Свой гнусный вид в реке увидел он опять.
Как реку истребить? Нельзя, и поневоле
Он должен был и стыд, и срам питать.
Монарх, стыдись! Ужели это сходство

Прилично для тебя?..

Я — зеркало: разбей меня,

Река — твое потомство:

Ты в ней найдешь еще себя».

Монарха речь сия так сильно убедила,
Что он велел ему и жизнь, и волю дать...
Постойте, виноват! — велел в Сибирь сослать,
А то бы эта была на басню походила.

СОДЕРЖАНИЕ

Денис Васильевич Давыдов	5
× «Я не поэт, я — партизан, казак...»	15
Партизан	16
Бородинское поле	18
При виде Москвы	19
В альбом	—
× Песня	20
× Бурцову («В дымном поле, на биваке...»)	21
Товарищу 1812 года, на пути в армию	24
Гусар	26
× Элегия («В ужасах войны кровавой...»)	27
Вечер в июне	28
Гусарская исповедь (Отрывок)	29
Тост на обеде донцов	—
Бурцову (Призывание на пунш)	30
× Песня старого гусара	31
Полу-солдат	33
× Современная песня	37
× Голова и Ноги	44
× Река и зеркало	45

Обложка Н. Фидлера

ДЛЯ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Ответственный редактор *И. Воробьева.*

Подписано к печати 15/III 1944 г. 1^{5/8} печ. л. (1,42 уч.-изд. л.)
39100 зн. в печ. л. Тираж 25 000 экз. Л35363. Заказ 4196.

Цена 75 коп.

Фабрика детской книги Детгиза Наркомпроса РСФСР.
Москва, Суворовский вал, 49.

Цена 75 коп.